

Ширяева С.В.

Генезис социальной помощи в России (с момента появления христианства до рубежа XVIII–XIX вв.)

В статье рассматривается становление и развитие института призрения бедных в России и его трансформация из сферы деятельности общества (с момента появления на Руси христианства) в государственный специализированный орган, обеспечивающий реализацию комплекса мероприятий по социальной защите населения, – Приказы общественного призрения (1775 - 1864 гг.).

Ключевые слова: приказ общественного призрения, благотворительность, бедность, нищенство, перепись нищих, милостыня, десятина, преступление, Троице-Сергиева Лавра, Иосиф Волоцкий, Владимир Святой, Владимир Мономах, Стоглавй Собор, Уложение царя Алексея Михайловича, Петр I, Стрелецкий приказ, Регламент Главного Магистрата, Духовный Регламент, богадельня, прядильные дома, смирительные дома, приют.

S.V. Shiryayeva

Orders public charity as a body social protection in public pre-revolutionary Russia

This article examines the emergence and development of the institution of charity of the poor in Russia and its transformation from the sphere of activity of the company specialized in the state authority responsible for the implementation of a set of measures on social protection of the population – Orders of public charity.

Key words: Order of public charity, charity, poverty, begging, beggars census, alms, tithe, crime, Trinity-Sergius Lavra, Joseph of Volokolamsk, St. Vladimir, Vladimir Monomakh, Stoglavy Cathedral, the Code of Tsar Alexei Mikhailovich, Peter I, Streltsy Department, Rules of the Chief Magistrate, Spiritual Regulation, hospice, spinning house, strait-home shelter.

Призрение бедных – это деятельность соответствующих субъектов общества, направленная на устранение возникшего под влиянием бедности недостатка средств к существованию. Она реализуется только в том случае, когда лица, нуждающиеся в средствах к существованию, не имеют возможности обеспечить себя необходимым минимумом. Данную формулировку призрения бедных, в том или ином виде, мы встречаем у В.В. Ивановского [12, с. 460–461], В.Ф. Дерюжинского [9], И.Е. Андреевского [1; 2], М.М. Боровитинова [3] Н.Я. Воскобойникова [7]. Этот механизм включался в том случае, если обнаруживался недостаток в индивидуальных и общественных силах для оказания помощи нуждающемуся в ней лицу. Основанием данной позиции государства в деле призрения бедных являлись не только моральные требования, но и требования целесообразности. Поэтому для исследования становления и развития института призрения бедных в России особенно актуальным является анализ процесса трансформации отношения к делу призрения бедных в историко-правовом аспекте как со стороны общества, так и государства в целом. Обращение к истории вопроса является полезным для оценки аналогичных событий настоящего периода развития российской государственности. История, объективно отражая народную жизнь, оставляет потомству назидательные уроки для их последующего анализа и позитивной деятельности в этом направлении.

Элементы благотворительности у наших предков мы встречаем уже на первых ступенях их исторической жизни. Но существенное развитие они получили лишь с того времени, как на Руси появилось христианство. Будучи верными сторонниками новой религии, русские проявили активную деятельность в делах благотворения. Каждое сколь-нибудь важное событие в жизни русского человека (дождь в засушливую погоду, уборка урожая, какие-либо семейные торжества) сопровождалась раздачей милостыни нищим. Для них устраивали отдельные обеды, а для убогих, престарелых и больных, не имеющих возможности присутствовать на этих обедах,

продукты развозились по домам. На раздачу милостыни смотрели как на акт христианского милосердия. Даже прошение милостыни считалось делом богоугодным. Древнерусское общество, по утверждению профессора В.О. Ключевского, под руководством церкви на протяжении многих веков училось понимать и исполнять заповеди о любви к ближнему через подаяние милостыни нищему, оказание милосердия заключенному, предоставление приюта убогому [16, с. 37]. Подобный подход к решению данной проблемы превращал человеколюбие в нищелюбие [8, с. 6–9; 9, с. 472–474; 12, с. 471–472]. Благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием нравственного личного здоровья оказывающего помощь человека. По существующему тогда мнению, нищий для этого лица был лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель.

Данная позиция разделялась всеми слоями древнерусского общества. Примером в деле оказания помощи, несомненно, являлись князья со своими приближенными. Из первых князей на поприще благотворительности прославились Владимир Святой и Владимир Мономах. Последний в своем завещании прямо указывал на то, что помощь бедным является главной обязанностью христианина [14, с. 268–269; 20, с. 33–35].

Особо следует отметить роль церкви в деле оказания помощи бедным и «праздно шатающимся лицам» в период становления и развития христианства. Для оказания помощи нуждающимся в пользу церкви была дана десятина, т.е. десятая часть сборов со всей русской земли. Автором подобного нововведения был князь Владимир, который после принятия крещения в 998 г. издал Церковный указ о передаче общественного призрения в лоно церкви и назначении десятины на содержание при церквях благотворительных учреждений [11]. Получаемый доход с десятин церковь употребляла на помощь бедным, больным, престарелым и странникам. Это приводило к тому, что в монастыри стекались массы нищих. Подобная ничем не ограниченная система призрения нередко доводила до крайности практику

безусловного милосердия, и сама порождала нищенство путем поощрения разных форм праздности и тунеядства [17, с. 30]. Нищенство в течение долгого времени считалось социальной необходимостью, а вид идущих по улицам и дорогам калек, слепых, просящих подаяние ни в ком не вызывал смущения. При желании они легко находили себе приют в массе монастырей и богаделен, созданных в эпоху «религиозного одушевления» [2, с. 443–445; 12, с. 174–175; 25, с. 36–64].

В Смутное время на Руси особенно прославилась своей благотворительностью Троице-Сергиева Лавра [4]. В ней нищими были заселены целые слободы. Иногда нищим отводились кельи в самом монастыре. В данном случае мы наблюдаем первые зачатки организованного, облеченного в определенную форму, общественного призрения. Задолго до его формального становления, монастыри в Древней Руси по сути своей служили органами общественного призрения. При них, как при приходских церквях, устраивались богадельные избы, куда без разбора принимались профессиональные нищие. Это привело к образованию особого класса людей под именем «церковных и богадельных» людей [8, с. 13; 20, с. 33–36; 24, с. 421–423].

По своему характеру благотворительность Древней Руси была исключительно частным делом каждого. Со стороны государства никаких попыток выступить в качестве организующей силы в данном вопросе не предпринималось. Необходимо заметить, что иногда отдельные лица, например, Иосиф Волоцкий, пытались внести в нее какую-либо систему, но это были разрозненные и единичные попытки. Со смертью этих лиц исчезала и установленная ими форма благотворительности. То же самое можно сказать и про одного из московских царей XVI в. – Бориса Годунова.

Таким образом, в течение всего средневекового периода русской истории единственной формой оказания помощи бедным была милостыня. Длительность ее реализации привела к тому, что в среде действительно нуждающихся в ней людей появились профессиональные нищие. Этому

также способствовало то обстоятельство, что против возрастающего числа нищих никаких мер со стороны государства не принималось. Прибегая к различным ухищрениям, нищенством зачастую занимались молодые и здоровые люди [13, с. 12; 17, с. 89–98; 18; 15, с. 5; 20, с. 3–9]. Все это создало ситуацию, при которой просящих подаяние стало так много, что остальная часть общества уже не в состоянии была прокормить их.

Отсутствие возможности получения легальной помощи данной категорией лиц привело к тому, что в конце XVI в. резко увеличилось число совершаемых преступлений. В Москве нищими по ночам совершалось так много краж и грабежей, что многие боялись в позднее время показываться на улицах. Англичанин Флетчер, посетивший Москву в конце XVI в., в своих записках указал, что нищих в это время было «несчетное множество», и, что «от этого множества бродяг и нищих, неотступно просивших милостыни, говоря: дай мне или убей меня, по ночам происходили воровства и грабежи, и осторожные не выходили по вечерам из домов своих» [9, с. 473–474].

О широком развитии нищенства в XVI в. говорится также в актах Стоглавого Собора 1551 г. [6, с. 232]. В том числе в нем указывается на отсутствие надлежащих мер оказания помощи бедным: «...а нищие и клосные, и гнилые, и престаревшиеся в убожестве, глад, и мразь, и зной, и наготу, и всякую скорбь терпят, и не имеют, где главы подклонити; по миру скитаются, везде их гнушаются, от глада и от мраза в недозоре умирают и без покаяния, и без причастия, никем не брегомы» [27].

Помимо простой констатации состояния дел в области призрения бедных, положения Стоглавого Собора содержат перечень мероприятий, направленных на некоторое упорядочение призрения бедных. Так, Собор рекомендует составить перепись всех «прокаженных, престарелых, больных и дряхлых людей» [9, с. 473–474] для того, чтобы затем распределить их в тех городах, где имеются учреждения для содержания указанных категорий бедных. Здоровым нищим Собор предписывал получать пропитание от подаяний «боголюбцев» на постоянных дворах за исполнение посильной для

них работы. В какой мере эти мероприятия были реализованы на практике, установить не представилось возможным из-за отсутствия достаточных для этого данных. Важно отметить, что во второй половине XVI в. общество осознало необходимость реализации государственных мер к призрению бедных [9, с. 473–474]. Без этого шага со стороны общества все мероприятия государства заранее были обречены на неудачу по причине убежденности населения России в богоугодности нищенства. Нам представляется неслучайным тот факт, что именно в положениях Стоглавого Собора, являющегося собранием церковных предписаний, впервые появляются нормы, направленные на регламентацию деятельности по призрению бедных.

Анализ благотворительной деятельности на Руси до XVII в. позволяет утверждать, что она практически не имела никакой организации, т.е. была неупорядоченной. Помощь осуществлялась без какого-либо предварительного изучения как личности нуждающегося, так и степени его нужды. Единственным, на что обращал внимание благотворитель, являлась щедрость оказываемой им помощи.

Неупорядоченность призрения привела к тому, что нищенство как социальное явление стало угрожать не только общественной безопасности, но и устоям российской государственности. Тем не менее, в течение XVII в. ничего существенного со стороны государства в области принятия мер как против нищенства, так и с целью упорядочения призрения бедных предпринято не было. Даже Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., коснувшееся многих сторон общественной жизни, не содержит каких-либо постановлений относительно нищих и бедных. Только через 30 лет, в 1682 г., царь Федор Алексеевич издает указ, в котором предписывается «произвести строительство двух богаделен и осуществить разборку московских нищих» [6, с. 234–238]. Целью данных мероприятий являлось не только формальное выявление действительно нуждающихся неимущих лиц (убогих, престарелых, больных), но и оказание им реальной помощи. Беспомощных Указ предписывал поместить в «двух шпитальнях или богадельнях», а

«здоровым лентяям – дать работу, чтобы впредь по улицам бродящих и лежащих нищих (меж которыми многие притворные воры и всем здоровы и работать могут) не было» [6, с. 234–238]. Примечательно, что на содержание вышеназванного Указа сильно повлияло зарубежное законодательство, в том числе – европейское. В указе неоднократно упоминается об «Европейских странах» и указывается, что «в государствах и во градах, где такие дома нищим построены, великая от того польза» [6, с. 234–238] По примеру зарубежных стран Указ предписывает забирать у нищих детей и отдавать их в школы, чтобы подростки («нищенские дети, робята и девки» [6, с. 234–238]) могли получить необходимо образование и обучиться различным ремеслам и наукам. В данном случае обнаруживается, на наш взгляд, некоторый превентивный характер правовых предписаний Указа, направленных на профилактику нищенства как социального явления.

Этот указ интересен не только мотивацией предписаний, но и предполагаемыми результатами: «А когда такие увечные люди будут от бродячих притворных нищих разобраны и ходить им по улицам возбранится, тогда те здоровые нищие, также и дети их, которых множество великое по улицам бродят, и ничему их не учат, а, возрастя, кроме воровства от таких бродячих людей невозможно быти, принуждены будут хлеб свой заживать работой или каким ремеслом к общенародной пользе. Потому что всякая праздность не приводит человека ко иному, точию к злым делам и воровству. Когда таким людям по улицам возбранено будет ходити и под окнами милостыни просить, тогда и воровства такого не будет. Для того, что такие воры, по дворам ходя, только примечают, кто как живет, и как его дом, как бы исплоша, где малолюдство, ково днем, или ночью покрасть. А иные такие же воры, как о том повествуется, малых робят с улиц крадут, и руки и ноги им ломают и на улицы их кладут, чтобы на них люди смотря умилились и больше им милостыни давали. Еще же многие от таких нищих, которые странными болезнями и прилипчивыми одержимы, как-то: франками, раком, волком на лице и по рукам, и те садятся просить во многонародных местах. И

такова нищего, когда б жена чревата усмотря, испужалась, могла бы такова ж поврежденного младенца родити. И для такой причины во всех странах Еуропских таким людям отнюдь не позволяют по улицам ходить не токмо что в многонародных местах сидеть; а взяв их лечат, буде исцельны; а буде не исцельны и конечно скудны, поят и кормят по смерть особых отделенных местах» [6, с. 234–238].

Из указа следует, что государственная власть прекратила свое пассивное отношение к бедным и начала борьбу с нищенством. Однако после смерти Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) положения Указа не были должным образом реализованы в Российской Империи. Только в Москве есть основания полагать о том, что «шпитальня» действительно была учреждена на средства аптекарского приказа. Что касается общих идей, выраженных в указе 1682 г., то они получили дальнейшее свое развитие и практическое воплощение в период царствования Петра Великого, особенно во второй его половине [10].

В петровском законодательстве вопрос о нищих и мерах призрения бедных занимает значительное место. История становления и развития призрения бедных вступает в новый период, отличающийся большей разносторонностью и последовательностью мероприятий, напоминающих политику репрессии нищих в Англии и Франции XIV и XV вв.

Указ Петра I от 30 ноября 1691 г. предписывал в случае обнаружения лже-калек (людей, притворяющихся хромыми, слепыми, с подвязанными руками и ногами), ловить их и учинять дознание. В зависимости от результатов дознания, эти люди подвергались ссылке: посадских людей в те же посады; дворцовых крестьян в дворцовые волости; помещичьих и вотчинных отдавать помещикам и вотчинникам. В том случае, если эти люди вновь совершали аналогичные действия, то они подвергались жестокому наказанию: их били кнутом и ссылали в дальние сибирские города.

Несмотря на столь жестокие меры борьбы с нищенством, они оказались недейственными. Это привело к тому, что менее чем через три года, 14 марта

1694 г., был принят еще один указ. Его содержание практически воспроизводило положения указа от 30 ноября 1691 г., но имело ряд новелл. Они распространяли действие указа на лиц духовного звания: «безместных чернцовъ и черницъ, поповъ и дьяконовъ», бродивших по Москве, также велено «имать и приводить ихъ въ Стрелецкий приказъ, а из Стрелецкого приказа отсылать въ Патриаршъ приказъ, чтобы отнюд чернцы и черницы и безместные попы и дьяконы по улицам нигде не бродили и по кабакам не водились» [10, с. 34-48].

За этими мерами, сущность которых сводилась к репрессиям в отношении нищих, следует ряд распоряжений, чье содержание направлено не только на оказание помощи действительно нуждающимся в ней лицам, но и на проведение комплекса мероприятий, позволяющего как предупредить, так и устранить саму возможность нищенства вообще. Указ от 20 июня 1718 г. предписывал всех нищих, не стоящих на содержании при богадельнях, а также не больных и не старых, для выявления причин нищенствования доставлять в караул и допрашивать. Впервые пойманных нищих, как и по предыдущему указу, «нещадно» били «батожем» и отсылали к прежнему месту жительства. Во второй и третий раз наказание носило публичный характер. Пойманных били кнутом на площади, а затем ссылали на каторжные работы, женщин в «шпингаус», а детей на суконный двор. На помещиков и хозяев волостей налагался штраф за каждого человека «за не усмотрение по пяти рублей» [10, с. 34-48].

К этому же времени относится введение в России запрета на подачу милостыни на улицах и в церквах, а также наказание для лиц, ее подающих [28]. Эта совершенно новая мера борьбы с нищенством в России имела место в Англии с XIV в., а во Франции была введена при Людовике XIV. Следует согласиться с мнением В.Ф. Дерюжинского о том, что необходимость ее применения была осознана Петром в контексте использования аналогичной меры французским законодательством [9, с. 478]. Необходимо заметить, что введение этой меры вызвало в обществе дискуссию о ее целесообразности.

Так, И. Посошков в книге «О скудости и богатстве» осудил ее введение, указав на то, что эта проблема должна решаться персонально, дифференцировано, исходя из личностных характеристик просящего [26, с. 103–104].

Более детальный анализ всех вышеуказанных нормативных правовых актов периода с 1682 до 1718 г. позволяет сделать вывод о том, что их содержание не предполагало кардинально изменить положение дел как в области борьбы с нищенством, так и в организации дела призрения бедных. Меры, предполагаемые к реализации, носили частичный характер, не охватывающий проблем нищенства и его призрения в целом. Реализация указных предписаний позволила подготовить почву для более общих мероприятий, требующих системного подхода в организации призрения бедных на государственном уровне. Именно эту задачу были призваны решить два важных акта петровского периода: Регламент Главного Магистрата от 16 января 1721 г. [19] и Духовный Регламент от 25 января 1721 г. [Там же]. В первом акте регламентируются мероприятия светской власти в области призрения бедных, а во втором – аналогичные предписания содержатся в отношении духовной.

В соответствии с регламентом Главного Магистрата, задача реализации мероприятий призрения бедных была поставлена перед полицией в числе главных ее задач. В перечне функций полиции отмечено, что она «призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых» [22, с. 17-27]. В регламенте также расписан перечень мер, реализуемых в области призрения. Предполагается создание трех видов заведений для призрения различных категорий нуждающихся: 1) смирительные дома; 2) прядильные дома; 3) «гошпитали». Источником финансирования этих мероприятий определялись земские бюджеты.

В смирительные дома определялись на содержание физически здоровые нищие, не желающие по тем или иным причинам трудом добывать средства к существованию. Они обеспечивались работой в принудительном порядке:

«таковых всех надлежит сажать в смирительные дома... и посылать их на работу, чем бы они могли на пропитание заработать, чтоб никогда праздны не были» [22].

Прядильные дома предназначались для женщин, которые помещались в них по тем же причинам, что и мужчины в смирительные дома. В «гошпиталях» содержались больные, калеки и престарелые нищие обоего пола, не способные трудиться.

При Петре I впервые в России появились приюты для содержания новорожденных детей, от которых отказались родители. В их штат входили кормилицы, состоящие на казенном содержании. Первый приют был учрежден в 1706 г. недалеко от Новгорода митрополитом Иовом [10, с. 34–35; 20, с. 37–39].

В регламенте Духовной Коллегии, помимо положений о ее организации и деятельности, особое место уделяется вопросу подаяния милостыни. В данном случае была реализована позиция Петра I о том, что в делах борьбы с нищенством и организации призрения бедных светская власть и духовная должны взаимно дополнять друг друга [21]. Духовной коллегии поручается разработать наставление, в котором учесть, что безразборчивая подача милостыни приводит, в большинстве случаев, к праздности и тунеядству [23].

Следующий шаг в деле призрения бедных связан с вышедшем 3 июля 1724 г. указом о производстве одновременно повсеместной переписи нищих по единой форме. Эта работа проводилась для того, чтобы после получения данных об общем числе нищих распределить их соразмерно по монастырям: «... дабы зная число их и число доходов, можно было расписать их по монастырям» [2, с. 24].

Таковы важнейшие мероприятия, которые были предприняты в петровский период управления государством в отношении призрения бедных. Их перечень позволяет сделать вывод о том, что государство предприняло необходимые, в рамках того времени, действия, реализация

которых в последующий период позволила бы создать более целостную систему общественного призрения бедных. Но, к сожалению, большинство из планов Петра I в деле призрения бедных при его жизни не было реализовано.

После смерти Петра I наступил период, неблагоприятный для какого-либо законотворчества. При его ближайших преемниках дело ограничивалось лишь повторением петровских указов о преследовании нищенства, ничего нового не внесших в организацию призрения бедных.

Очередной этап в развитии дела призрения бедных начинается с приходом к власти Екатерины II. Свою деятельность на этом поприще она начала с реализации комплекса мер, направленных на улучшение призрения младенцев, преимущественно незаконнорожденных (или, как их называли тогда, «зазорных»). Ранее мы уже указывали на то, что первый аналогичный приют был открыт еще Петром I в 1706 году. Екатерина продолжила это дело и в 1763 г. в Москве был основан воспитательный дом, решающий подобные вопросы. В Петербурге в 1770 г. было открыто его представительство, которое, начиная с 1780 г., функционировало как самостоятельное учреждение.

Эта деятельность привела к тому, что в обеих столицах и в прилегающих губерниях дело призрения незаконнорожденных детей получило прочную основу в лице реально действующих учреждений.

В области реализации общих мер призрения эпоха Екатерины II ознаменовалась изданием многочисленных законодательных актов и административных распоряжений разной направленности. Первоначально это были частные меры. Они были направлены на создание в 26 епархиях 26 богаделен, на запрещение уличного нищенства в Москве, на устройство при монастырях особых домов для безумных и сумасшедших¹. Данный перечень мероприятий позволяет высказать мнение о том, что государственная

¹ В данном случае просматривается некоторое дублирование указов Петра Великого, но сделано это было в связи с тем, что, как уже выше указывалось, мероприятия Петра в данном направлении не получили должного развития после его смерти.

позиция в отношении нищих претерпела изменение в сторону ее гуманизации. В них перестают видеть лишь преступный элемент и начинают воспринимать их как жертв неблагоприятных жизненных условий. Но в целом необходимо отметить то, что отношение к «нищим-промышленникам» не изменилось: по оценке на тот период из 100 нищих 60–70 были профессиональными нищими [17, с. 94]. 12 августа 1775 г. за № 14358 Императрицей Екатериной II на имя Московского Обер-Полицмейстера Архарова издан Указ следующего содержания: «Устроить дом для ленивцев, привыкших лучше праздно питаться, прося милостыню, нежели получать пропитание работою, то для таковых, дабы прекратить им средства к развратной праздности, учредить работные дома под ведением зданий полиции» [Там же, с. 32].

За вышеуказанными мерами частного характера последовали меры общего характера. Их целью являлось создание в Российской Империи системы организаций, осуществляющих функции общественного призрения. В 1775 г. «Учреждением о губерниях» были созданы специальные учреждения под названием «Приказы общественного призрения» [29].

Библиографический список

1. Андреевский И.Е. Новейшие попытки к лучшему устройению призрения бедных. СПб., 1874;
2. Андреевский И.Е. Полицейское право. СПб., 1876;
3. Боровитинов М.М. Бродяжничество по русскому праву. Вып. 1. СПб., 1905;
4. Валишевский К. Смутное время. М.: СП КВАДРАТ, 1993.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1886.
6. Воскобойников Н.Я. Материалы по истории призрения бедных и неимущих в России. СПб., 1894.
7. Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894.
8. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. СПб., 1908;
9. Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1893.
10. Законопроекты министерства внутренних дел. Т.3. Государственная Дума. Созыв IV, сессия 2. 1913-1914. СПб., 1916.
11. Ивановский В.В. Учебник административного права. Казань, 1907.

12. Историческая и законодательная записка о нищенстве в России. СПб., 1898.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.2. Ростов-на-Дону. 1995.
14. Клейгельс Н.В. Новые мероприятия в области борьбы с нищенством в Санкт-Петербурге. СПб., 1897.
15. Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. СПб., 1897.
16. Лысенко В.В., Сальников В.П., Сизиков М.И., Филиппова С.В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции дореволюционной России / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996.
17. Нищенство и меры к его искоренению в России // Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства. 1875. № 8.
18. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI, № 3708.
19. Преображенский В. О благотворительности. Красноярск, 1898.
20. Регламент Главного Магистрата. 1721 // Полное собрание законодательства. Т. VI. № 3708.
21. Регламент Главного Магистрата. Глава 10. 1721 // Полное собрание законодательства. Т. VI. № 3708.
22. Регламент Духовной Коллегии. 1721 // Полное собрание законодательства. Т. VI. № 3718.
23. Россия. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Л.: Лениздат, 1991. С.421-423.
24. Рошер В. Система призрения бедных и мероприятия против бедности. Черкассы., 1899.
25. Сочинения Ивана Посошкова. М.: Изд. М. Погодина, 1842.
26. Стоглав. СПб., 1863.
27. Указ Петра Великого от 25 февраля 1718 г. // ПСЗ 1837 г. № 9002.
28. Учреждения для управлением губерний Всероссийской империей. ПСЗ, Т. XX, № 14392.